

КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ РЕЧЕВОГО И ФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ: АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ, ФИНИТНОСТЬ, ВЫДВИЖЕНИЕ

А.В. Уржа

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, English2@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается варьирование таких ключевых характеристик глагольных форм, как аспектуальность и финитность, при переводе с английского на русский язык конструкций с глаголами физического и речевого действия в составе повествовательных текстов. Анализируются ситуации изменения темпоральных таксисных отношений между предикатами при однозначности оригинального контекста (напр., *he said and rubbed his hands* — *сказал он, потирая руки*). Изучаемый феномен иллюстрируется примерами из поливариантного набора русских переводных нарративов, созданных в XX–XXI вв., учитываются результаты подсчетов по параллельному корпусу НКРЯ. Результаты исследования показывают, что варьирование при переводе финитных и аспектуальных характеристик глагольных форм в конструкциях с глаголами речевого и физического действия связано не столько с представлением о консекутивности в нарративе, сколько с феноменами иерархизации информации и выдвижения — фокусирования на определенных событиях. Реальная временная соотнесенность речевого и физического действия персонажа зачастую представляется переводчикам несущественной, однако их представление о значимости того или иного события в сюжете влияет на выбор языковых средств иерархизации информации. Выбор личной формы при переводе глагола на русский язык выделяет событие, неличной — затушевывает его, подчеркивает его второстепенность; выбор совершенного вида встраивает явление в сюжетную цепочку, тогда как несовершенный вид тяготеет к обозначению фоновых процессов и состояний. Неличные формы обычно выбираются переводчиками для тех глаголов, которые обладают высокой частотностью в форме деепричастий, то есть склонны к фоновому употреблению в речи и в повествовательных текстах (это обозначения этикетных и сопровождающих жестов, изменений позы, проявления эмоции и т. п.). Одновременное варьирование и финитной, и аспектуальной характеристики глагола производит ощутимый прагматический эффект и может представлять осознанный переводческий прием, позволяющий с помощью грамматических средств (личных форм глаголов совершенного вида) акцентировать события, выделенные в оригинале на лексическом или композиционном уровне.

Ключевые слова: таксис; глагольный вид; аспектуальность; финитность; деепричастие; первый план; фон; перевод

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-7

Для цитирования: Уржа А.В. Конструкции с глаголами речевого и физического действия в русских переводных текстах: аспектуальность, финитность, выдвижение // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 91–103.

CONSTRUCTIONS WITH VERBS OF SPEECH AND PHYSICAL ACTION IN RUSSIAN TRANSLATED TEXTS: ASPECTUALITY, FINITENESS, FOREGROUNDING

A.V. Urzha

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; English2@yandex.ru

Abstract: The paper deals with the variation of such key characteristics of verb forms as aspectuality and finiteness when translating from English into Russian constructions with verbs of physical and verbal action in narrative texts. The situations of changing temporal relations between predicates in the construction are considered in cases of unambiguity of the original contexts (e.g., *he said and rubbed his hands* — *сказал он, потирая руки*). The phenomenon under study is illustrated by examples from a polyvariant set of Russian translated narratives created in the 20th–21st centuries, and the results of counting on the parallel corpus of the Russian National Corpus are taken into account. The results of the study show that the variation in translation of finite and aspectual characteristics of verb forms in constructions with verbs of speech and physical action is related not so much to the notion of consecutiveness in the narrative as to the phenomena of information hierarchisation and foregrounding — focusing on certain events. The choice of the finite form when translating a verb into Russian highlights the event, while the non-finite form obscures it, emphasising its secondary character; the choice of the perfect form embeds the phenomenon in the narrative chain, while the imperfect form tends to denote background processes and states. Non-finite forms are usually chosen by translators for those verbs that have a high frequency in the form of converbs, i.e. are tend to background use in speech and in narrative texts (they denote etiquette and accompanying gestures, changes of posture, manifestations of emotion, etc.). The simultaneous variation of both the finite and aspectual characteristics of the verb produces a tangible pragmatic effect and may represent a conscious translation technique that allows using grammatical means (finite forms of perfective verbs) to accentuate the events highlighted in the original at the lexical or compositional level.

Keywords: taxis; verbal aspect; aspectuality; finiteness; converb; foregrounding; backgrounding

Funding: The research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>.

For citation: Urzha A.V. (2024) Constructions with Verbs of Speech and Physical Action in Russian Translated Texts: Aspectuality, Finiteness, Foregrounding. *Lo-monosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 91–103.

Исследование, результаты которого представлены в данной статье, обращено к серии явлений, широко распространенных в русских переводах англоязычных повествовательных текстов, но не получивших исчерпывающих научных объяснений. Эти явления сопряжены с варьированием при переводе таких ключевых характеристик глагольных форм, как аспектуальность и финитность, в конструкциях с глаголами физического и речевого действия. Варьирование становится особенно заметным при сопоставлении ряда версий перевода одного и того же текста на русский язык. Цель статьи — детальное описание и анализ парадоксального явления изменения характеристик аспектуальности и финитности глагольных форм в вариантах русского перевода вышеназванных конструкций, аккумуляция результатов научных исследований, имеющих отношение к данному феномену, постулирование необходимости комплексного учета морфологических, синтаксических и композиционных характеристик контекста для выявления языковых и прагматических факторов варьирования. Источником материала стал параллельный подкорпус Национального корпуса русского языка, а также собранный автором поливариантный набор русских переводных нарративов, созданных в XX–XXI вв. (126 переводов 26 англоязычных произведений) [Уржа 2021].

Отношения одновременности и следования событий в русской грамматике традиционно противопоставлены. Это противопоставление реализовано как на лексическом, так и на грамматическом (морфологическом и синтаксическом) уровне и предполагает использование целого комплекса средств. Р.О. Якобсон, опираясь на работы Л. Блумфилда и Б. Уорфа, предложил в известной статье 1957 года специальное название для глагольной категории, характеризующей «отношение одного сообщаемого факта к другому сообщаемому факту безотносительно к факту сообщения» — эта категория (ранее обозначавшаяся как *порядок* или *относительное время*) стала называться *таксисом* [Якобсон 1972: 106–107].

Обратим внимание на ракурс, выбранный Р.О. Якобсоном для представления таксиса в ряду глагольных категорий. На материале русского языка ученый демонстрирует только зависимый таксис, подчеркивая, что для выражения этой категории предназначены формы русских деепричастий: *пообедав, он сообщил новость* — обе-

дая, он сообщил новость. Таким образом, как мы видим, таксис формируется с учетом определенных потенций более базовых категорий аспектуальности и финитности: деепричастия совершенного вида предназначены языком для указания на предшествование названного события другому, обозначенному личной формой глагола, а деепричастия несовершенного вида — на одновременность двух событий.

Расширенное исследование категории таксиса представлено в работах А.В. Бондарко и в трудах по теории функциональной грамматики (ТФГ). В этой концепции таксис рассматривается в качестве функционально-семантической категории и характеризует «временное отношение между действиями (в широком смысле, включая любые значения предикатов) в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса» [Теория функциональной грамматики 1987: 234–242]. Таким образом, в соответствующее функционально-семантическое поле включается уже не только вышеописанный зависимый таксис, но и независимый таксис, реализуемый в конструкциях с однородными сказуемыми или в сложноподчиненных предложениях: *Он пообедал и сообщил новость. После того как X пообедал, он сообщил новость.* Обратим внимание на то, что в отсутствие деепричастий дополнительную нагрузку в трансляции таксисных отношений получает синтаксический план: аспектуальная характеристика глагольных форм учитывается вкупе с их со-расположением в цепочке однородных сказуемых, а в сложном предложении задействуется также семантика темпоральных подчинительных союзов.

Другие нефинитные формы — причастия и инфинитивы — также реализуют таксисные отношения в конструкциях с личными формами глагола, однако подобные построения не всегда интерпретируются однозначно (например: *он говорил про игравших детей* или *он советовал ей идти медленно*). Согласно концепции ТФГ, участвовать в трансляции таксисных отношений способны и девербативы (и шире — существительные с событийной семантикой): *после обеды / во время обеда он сообщил новость.* Важно отметить, что в этом случае событийные существительные выступают в составе синтаксиса с темпоральным значением [Золотова и др. 1998: 219].

Предлагая комплексный подход к изучению таксиса как «отношения одного сообщаемого факта к другому сообщаемому факту», Г.А. Золотова выделила в этом «отношении» не только темпоральное, но также модальное и персональное измерения: два «факта» (действия, состояния, признака) могут приписываться одному или разным субъектам, могут трактоваться как реальные

или ирреальные. Кроме того, Г.А. Золотова сформулировала гипотезу «эквивалентного преобразования полипредикативных конструкций», согласно которой эквивалентность трансформации (как внутриязыковой, так и межъязыковой) обеспечивается сохранением количества предикативных единиц в конструкции и характера таксисных отношений между ними [Золотова и др. 1998: 224]. Действительно, например, в предложении *Пришел, увидел, победил* при переводе с языка на язык не может быть изменен порядок компонентов и их темпорально-аспектуальные характеристики, обеспечивающие формирование консекутивной цепочки, действия не могут быть приписаны разным субъектам или разным модальным планам, ср.: **пришел, видел, победил*; **пришел, увидел, победили*; **пришел, увидел бы, победил*.

Итак, опираясь на разработанные в общей лингвистике и в русистике концепции и обращаясь теперь к основному объекту нашего исследования — конструкциям с глаголами физического и речевого действия, — можно предварительно утверждать, что сочетания *сказав, сделал и сделав, сказал, а также делая, сказал* неэквивалентны.

Однако результаты сопоставительного анализа вариантов русского перевода повествовательных текстов самых разных авторов и жанров оказываются парадоксальными: практически в каждом тексте мы встречаем случаи, когда однозначный в плане таксиса фрагмент оригинала переводится на русский язык по-разному, переводчики выбирают глагольные формы с той или иной аспектуальной и финитной характеристикой, и отношения между сообщаемыми фактами начинают варьироваться¹.

Рассмотрим несколько типичных примеров. Расположим рядом в таблице конкурирующие варианты опубликованных русских переводов известных повествовательных текстов, включающих прямую речь, а справа — англоязычные оригиналы.

¹ И в русском, и в английском языке существует целый репертуар лексических, морфологических и синтаксических средств для реализации таксисных отношений одновременности или разновременности между предикатами. Ведущим средством в русском языке выступает глагольный вид, а в английском — аспект [Смирницкий 1970; Плунгян 2003]. В обоих языках эти грамматические характеристики присущи как финитным, так и нефинитным формам (в русском языке неличными формами называют причастие, деепричастие и инфинитив, в английском — причастия, инфинитив и герундий). В фокусе данного исследования оказываются случаи изменения таксисных отношений *или/и* финитности предикатов, не обусловленные расхождением языковых систем: при однозначных характеристиках оригинальной английской конструкции в одном из вариантов русского перевода они оказываются сохранены, в другом — изменены.

Варьирование таксисных отношений между предикатами при переводе на русский язык конструкций с глаголами физического и речевого действия.

Эдгар По «Прыг-Скок»		
1а. «Что, что, что это за звук? Как ты смеешь скрежетать?» — спросил король с бешенством, поворачиваясь к карлику. (Пер. М. Энгельгардта)	1б. «Это что еще за звуки? Кто разрешил тебе скрипеть?!» — повернувшись к карлику, заорал король, вне себя от гнева. (Пер. М. Викторова)	1с. ‘What—what—what are you making that noise for?’ demanded the king, turning furiously to the dwarf.
2а. Последний, <...> смотря пристально, но спокойно прямо в лицо тирану, воскликнул : <...> (Пер. К. Бальмонта)	2б. Он сдержанно и решительно посмотрел на короля, затем вскричал : <...> (Пер. М. Викторова)	2с. The latter <...> looking fixedly but quietly into the tyrant’s face, merely ejaculated <...>
Оскар Уайльд «Преданный друг»		
3а. «До свиданья, Маленький Ганс», — сказал мельник и пошел к себе на холм с доской на плече. (Пер. М. Ликиардопуло)	3б. «Прощай, маленький Ганс», — небрежно проронил мельник, подымаясь на гору с доской на плече. (Аноним пер. в изд. В. Саблина)	3с. ‘Good-bye, little Hans,’ said the Miller, and he went up the hill with the plank on his shoulder.

В приведенных парах переводов мы видим разные варианты таксисных отношений. Если в одной версии перевода (например, 1а) физическое и речевое действие героя представлены как одновременные, то в другой (1б) — как последовательные: *спросил, поворачиваясь — заорал, повернувшись; смотря, воскликнул — посмотрел, затем вскричал; сказал и пошел — проронил, подымаясь*. Важно подчеркнуть, что оригинальные фрагменты во всех трех случаях предлагают однозначную трактовку временного соотношения — ее верно воссоздают переводы, помещенные в первом столбце (1а, 2а, 3а).

Можно ли просто посчитать все переводы во втором столбце ошибочными и на этом закрыть вопрос? Такому решению препятствует многочисленность и распространенность подобных явлений при переводе, причем возникают они именно в конструкциях с сочетанием физического и речевого действия субъекта.

Наполнение конструкции, конечно, не случайно: физические и речевые действия в реальности могут иметь сложное соотношение по времени, человек может начать действовать, не договорив фразу,

или, например, заговорить в последней фазе своего движения. Если же мы уделим дополнительное внимание обнаруженному феномену, то увидим, что изменениям, внесенным переводчиками в примерах 2а, 2б и 2с, можно найти объяснение. Оно связано с действием в нарративном тексте фундаментального процесса, который называется распределением информации между первым планом и фоном повествования (в англоязычной традиции *grounding*).

Структура нарративного текста предполагает наличие так называемого «остова» — консеквативной цепочки событий, которые формируют наиболее заметную для читателя часть текста, его «первый план». Также в повествовании в более или менее расширенном виде присутствует «фон» — состояния и процессы, параллельные основным событиям, второстепенные действия, ретроспективные и интерпретационные вставки и т. п. Изучение феномена иерархизации информации в нарративе восходит к работам В.Я. Проппа, В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума. В современной мировой лингвистике оно представлено несколькими научными традициями. За рубежом Theory of Grounding («теория выдвигания») сформирована на основе трудов У. Лабова и Дж. Валецки, П. Хоппера и С. Томпсон, С. Флейшман, К. Чвани, Н. Коямы, Б. Уорвик и мн. др. [Wårvik 2004; du Toit 2020]. В отечественной лингвистике традиция изучения первоплановых и фоновых функций предикатов в повествовательном тексте восходит к работам В.В. Виноградова и представлена в трудах школы коммуникативной грамматики (Г.А. Золотовой и др.). Другой подход — от возможностей элементов языковой системы — форм и конструкций, различающихся «интерпретационным компонентом» значения, способностью выражать так называемую «комитативность», — применен в трудах А.В. Бондарко, Е.В. Клобукова и др.

В рамках нашего исследования особый интерес представляет кластер семантико-грамматических признаков, обеспечивающих клаузе (предикативному обороту) выделенность на фоне других. В теории выдвигания описан целый ряд характеристик глагольной формы, комбинация которых способствует «выдвиганию» или «затушевыванию» события, а дихотомия «первый план» — «фон» превращается в шкалу. Среди таких характеристик: совершенный — несовершенный вид глагола, реальная — ирреальная модальность, личная — неличная форма, наличие — отсутствие субъекта и объекта в прямых падежах [Chvany 1985: 14–15].

Значительное выделение в повествовании получает названное финитной глагольной формой динамическое, контролируемое, ограниченное во времени действие, осуществленное личным субъектом по отношению к индивидуализированному объекту и оформ-

ленное с помощью совершенного вида (*Том съел яблоко*), тогда как длящееся состояние, на которое указывает непереходный глагол несовершенного вида в неличной форме, представляет противоположный конец шкалы — зону глубокого фона повествования (*Том, съел яблоко, сидя на заборе*) (см. работы К. Чвани, Б. Урвик, О.К. Ирисхановой и др.).

В соответствии с положениями научных трудов о языковых средствах иерархизации нарратива, совершенный вид и финитность обеспечивают глагольной форме большее выдвижение в повествовательном тексте, а несовершенный вид и неличная форма чаще сопутствуют затушевыванию обозначенного глаголом события. Исследования в сфере текстового выдвижения все активнее привлекают переводной материал, а теория формирования первого плана и фона текста апробируется переводоведами [Chvany 1985; Li, Xu 2003; Goethals 2008; Уржа 2022; Zhou, Li 2023].

Вернемся к вышеприведенным примерам и обратим внимание на различия переводов. Нам предстанут три ситуации. В первом примере речевое действие персонажа сопровождается изменением его позы. Глаголы, обозначающие изменение позы, в значительной степени предназначены именно к фоновому функционированию в нарративах. Об этом свидетельствуют подсчеты, проведенные на основе данных НКРЯ и соотносящие частотность деепричастий и личных форм глаголов разных семантических групп [Онипенко, Биккулова 2020; Уржа 2023]. В обоих случаях, как и в оригинале (где использовано причастие I), переводчики выбрали нефинитную форму глагола (*поворачиваясь — повернувшись*). Выбор совершенного вида деепричастия вместо несовершенного в переводе 1b повышает выделенность действия, но незначительно — изменение позы все равно остается фоновым элементом текста. Строго говоря, соотношение по времени физического и речевого действия здесь представляется переводчикам не столь важным — поэтому и возникают расхождения.

Во втором примере переводчик в 2b меняет не только вид глагольной формы, но и ее финитную характеристику: *смотря — посмотрел*. Такое изменение представляется читателю более заметным, поскольку оказываются задействованы два грамматических фактора выдвижения предиката. Обратим внимание на изменение лексемы: в этом переводе герой — шут в рассказе Э. По — смотрит на тирана не *пристально* (*fixedly*), но *решительно* — сам взгляд становится поступком в цепочке дальнейших действий против короля.

Наконец, в третьем примере мы наблюдаем обратный эффект. Переводчик в 3b превращает личную форму глагола движения (*went — пошел*) в деепричастие (*подымаясь*), «задвигая» перемещение

героя в область фона и фокусируя внимание читателя на его пренебрежительной манере речи (не *сказал*, а *проронил*).

Эти нюансы могут приобрести гораздо больший резонанс, если фрагмент оказывается значимым для формирования образа персонажа в произведении. Сравним оригинал и переводы отрывка из рассказа Рэя Брэдбери “The Murderer” («Убийца»), где психиатр впервые приходит к главному герою в камеру:

4а. — *Убирайтесь прочь*, — *сказал арестованный, улыбаясь*. (пер. Э. Нуршина).

4б. — *Только вас не хватало*, — *сказал арестант и улыбнулся* (пер. Н. Галь).

4с “*Go away,*” *said the prisoner, smiling.*

Версия Э. Нуршина формально ближе к оригиналу: глагол, входящий реплику, стоит в личной форме, мимическое движение героя, сопровождающее речь, названо деепричастием в НСВ: *сказал, улыбаясь*. Действия одновременны, второе является фоном первого. При этом нетрудно заметить, что содержание реплики и мимика явно противоречат друг другу: герой резко прогоняет врача и одновременно улыбается ему. Это несоответствие вызывает специфический эффект: поведение арестанта интригует читателя. Почему же Нора Галь, известный мастер перевода, выделила здесь не только речевое, но и мимическое действие: *сказал и улыбнулся*? Обратим внимание на продолжение фрагмента: «*Эта улыбка ошеломила психиатра. Такая она была сияющая, лучезарная, она вдруг осветила и согрела комнату. ...Точно полуденное солнце внезапно проглянуло среди ночи*» (пер. Н. Галь). Из контекста становится видно, что улыбка героя имеет важное значение для формирования его образа и понимания его поведения в целом. Этот человек не совершил ни одного преступления, однако он помещен в клинику, потому что восстает против засилья электронных приборов, заполняющих своими сигналами жизнь людей. Самодостаточность героя, его уверенность в своей правоте отражаются в улыбке, которую Нора Галь выводит с помощью грамматических средств на первый план повествования. Это решение можно посчитать отклонением от формальной точности или, напротив, верным переводческим ходом, но для лингвистического исследования важен ощутимый эффект, который производит замена неличной формы глагола НСВ на личную форму СВ в данном фрагменте.

Чтобы оценить распространенность варьирования финитных и аспектуальных характеристик глагольных форм при переводе, мы провели сплошной анализ всех конструкций, соотносящих физическое и речевое действие, в оригинале и русских переводах объемного романа А. Конан Дойла *The Hound of the Baskervilles* («Со-

бака Баскервилей»). В текстах были обнаружены расхождения всех вышеупомянутых типов.

Наиболее распространенной оказалась замена (как в примере 3b) личной формы глагола на неличную, в случае если этот глагол обозначает фоновое, с точки зрения переводчика, действие: этикетный жест (*as I wrung him by the hand* → *пожимая руку*, *bowed* → *отвесив поклон*), проявление эмоции (*begun to show signs of strong emotion* → *волнуясь*, *rubbed his hands* → *потирая руки*), перемещение в пространстве (*as I rose* → *вставая*, *as we walked* → *шагая рядом*).

В переводе Н. Волжиной (в НКРЯ) была обнаружена 41 конструкция, включающая глаголы физического и речевого действия и сформированная по модели 'личная форма' + 'деепричастие'. Из этой группы в 23 конструкциях финитная характеристика обоих компонентов была передана верно при переводе, в 18 изменена (личная форма заменена на неличную). При этом в 18 трансформированных конструкциях временные таксисные отношения между предикатами сохранились в 11 и изменились в 7 контекстах. Приведем типичный пример изменения обеих характеристик глагольной формы при переводе:

5a. — *Да, денек у нас будет хлопотливый, — сказал Холмс, радостно **потирая руки** в предвкушении всех этих хлопот* (пер. Н. Волжиной). Ср. в оригинале:

5b. <...> *he remarked, and he **rubbed his hands** with the joy of action.*

Изменение в обратном направлении (из неличной формы НСВ — в личную форму СВ) происходит гораздо реже. Переводчики охотно убирают в область фона сопровождающие действия и эмоции, но не так часто выносят на первый план события, не выделенные автором. В переводе Н. Волжиной таких решений не нашлось, а в конкурирующих переводах В. Михалюка и Е. Ломиковской есть единичные случаи. Например, фоновый жест (указание на болота) выделяется, когда лорд Баскервиль впервые видит страшную Гримпенскую трясиину:

6a. — *Мне очень хочется поскорее увидеть торфяные болота, я просто сгораю от нетерпения.*

— *В самом деле? В таком случае можете считать, что ваше желание исполнилось <...>, — сказал доктор Мортимер и **показал на окно вагона*** (пер. В. Михалюка). Ср. в оригинале:

6b. <...>, *said Dr. Mortimer, **pointing out** of the carriage window.*

По результатам исследования можно делать следующие выводы:

1. Варьирование таксисных отношений между предикатами, обозначающими физическое и речевое действие, при переводе повествовательных текстов с английского на русский язык распространено потому, что реальная временная соотношенность этих действий

представляется переводчикам несущественной, однако их представление о значимости того или иного события в сюжете влияет на выбор языковых средств иерархизации информации.

2. Изменение финитной характеристики глагольной формы ощутимо при сопоставлении оригинала и вариантов перевода. Выбор личной формы выделяет событие, неличной — затушевывает его, подчеркивает его второстепенность (ср. примеры 2а и 2b, 3а и 3b, 5а и 5b). Неличные формы обычно выбираются переводчиками для тех глаголов, которые обладают высокой частотностью в форме деепричастий, то есть склонны к фоновому употреблению в речи и в повествовательных текстах. Это обозначения этикетных и сопровождающих жестов, изменений позы, проявления эмоции и т. п.

3. Наконец, наиболее заметным варьирование конструкции при переводе становится тогда, когда одновременно изменяются аспектуальная и финитная характеристики одной из входящих в нее глагольных форм. Личная форма глагола в СВ значительно сильнее выделяет событие, чем нефинитная форма в НСВ, привлекая внимание читателя. Такое варьирование нередко является составляющей переводческой тактики (см. выше решения Н. Галь в 4b и В. Михалюка в 6а): с помощью средств русской грамматики переводчик выделяет черты или поступки героя, акцентированные в оригинале на лексическом или композиционном уровне.

Итак, варьирование при переводе финитных и аспектуальных характеристик глагольных форм в конструкциях с глаголами речевого и физического действия связано не столько с представлением о консекутивности в нарративе, сколько с феноменами иерархизации информации и фокусирования на определенных событиях. Подобные изменения, судя по всему, совершаются переводчиками в большинстве случаев неосознанно, под влиянием ощущения возможностей языка и текста, однако одновременное варьирование и финитной, и аспектуальной характеристики глагола может представлять осознанный прием, поскольку производит ощутимый прагматический эффект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
2. Онипенко Н.К., Биккулова О.С. К проблеме соотношения вида и таксиса (деепричастие в «Семантико-грамматическом словаре русских глаголов») // Взаимодействие аспекта со смежными категориями / Под ред. Е.В. Головки, Е.В. Горбовой. СПб., 2020. С. 271–282.
3. Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2003.
4. Смирницкий А.И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков. М., 1970.

5. Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1987.
6. Уржа А.В. Первый план и фон в повествовательном тексте: нарратология, лингвистика, когнитивные исследования, переводоведение. М., 2022.
7. Уржа А.В. Прагматический потенциал русских деепричастий в нарративе: корпусное исследование сквозь призму переводов // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2023. 1. [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.1556/060.2023.00109> (дата обращения: 02.11.2023).
8. Уржа А.В. Функциональное взаимодействие эгоцентриков в русских переводных нарративах (на материале прозаических текстов конца XIX — начала XXI вв.): дис. ... доктора филол. наук. М., 2021.
9. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / Под ред. О.Г. Ревзиной. М., 1972. С. 95–113.
10. Chvany C. Foregrounding, ‘Transitivity’, Saliency (in Sequential and Non-sequential Prose) // *Essays in Poetics*, 1985. No.2 (10). P. 1–27.
11. du Toit, Herman. Foreground and Background in the Narrative Discourse of Luke’s Gospel: Some Remarks on the Function of the Greek Imperfect and Pluperfect Indicative Tense-Forms // *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus (SPiL Plus)*, 2020. 59. P. 61–79.
12. Goethals P. Between Semiotic Linguistics and Narratology: Objective Grounding and Similarity in Essayistic Translation // *Linguistica Antverpiensia*, 2008. No. 7. P. 93–110.
13. Li J., Xu Sh. (2003). Foregrounding as a Criterion for Translation Criticism. *Babel*, 2003. 49 (4). P. 302–309.
14. Wårvik B. What is Foregrounded in Narratives? Hypotheses for the Cognitive Basis of Foregrounding // *Approaches to Cognition through Text and Discourse*. Virtanen T. (ed.) Berlin, 2004. P. 99–122.
15. Zhou L., Li Q. The Application of Foregrounding in Literary Translation. *Lecture Notes on Language and Literature*, 2023. Vol. 6. P. 25–29.

REFERENCES

1. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Izd-vo IRL im. V.V. Vinogradova, 1998. 538 p. (In Russ.)
2. Onipenko N.K., Bikkulova O.S. K probleme sootnosheniya vida i taksisa (deeprichastie v «Semantiko-grammaticheskom slovare russkikh glagolov») [On the Problem of the Correlation of Aspect and Taxis (Converbs in the “Semantic-Grammatical Dictionary of Russian Verbs”)]. *Vzaimodeistvie aspekta so smezhnymi kategoriyami* [Interaction of Aspect with Related Categories]. Ed. by E.V. Golovko, E.V. Gorbovoi. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2020. P. 271–282. (In Russ.)
3. Plungyan V.A. *Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [General Morphology: Introduction]. Moscow: Editorial URSS, 2003. 384 p. (In Russ.)
4. Smirnitiskii A.I. *Ocherki po sopostavitel’noi grammatike russkogo i angliiskogo yazykov* [Essays on Comparative Grammar of Russian and English Languages]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1970. 380 p. (In Russ.)
5. *Teoriya funktsional’noi grammatiki. Aspektual’nost’. Vremennaya lokalizovannost’. Taksis* [The Theory of Functional Grammar. Aspectuality. Temporal Localisation. Taxis]. Ed. A.V. Bondarko. L.: Nauka, 1987. 349 p. (In Russ.)
6. Urzha A.V. *Pervyi plan i fon v povestvoatel’nom tekste: narratologiya, lingvistika, kognitivnye issledovaniya, perevodovedenie* [Foreground and Background in a

Narrative: Narratology, Linguistics, Cognitive and Translation Studies]. Moscow, Flinta, 2022. 288 p. (In Russ.)

7. Urzha A.V. Pragmaticseskii potentsial russkikh deeprichastii v narrative: korpusnoe issledovanie skvoz' prizmu perevodov [The Pragmatics of Russian Converbs in a Narrative: Corpus-Based Study through the Prism of Translations]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2023, 1, (published online ahead of print). <https://doi.org/10.1556/060.2023.00109> (In Russ.)
8. Urzha A.V. *Funktional'noe vzaimodeistvie egotsentrikov v russkikh perevodnykh narrativakh (na materiale prozaicheskikh tekstov kontsa XIX — nachala XXI vv.)* [Functional Interaction of Egocentrics in Russian Translated Narratives (On the Material of Prose Texts of the Late 19th — early 21st Centuries).] Dis. ... doktora filol. nauk. Moscow, 2021. 564 p. (In Russ.)
9. Jakobson R.O. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkii glagol [Shifters, Verbal Categories and Russian Verb]. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of Typological Analysis of Languages of Different Structures]. Ed. by O.G. Revzina. Moscow, Nauka Publ., 1972. P. 95–113. (In Russ.)
10. Chvany C. Foregrounding, 'Transitivity', Saliency (in Sequential and Non-sequential Prose). *Essays in Poetics*, 1985. No.2 (10). P. 1–27.
11. du Toit, Herman. Foreground and Background in the Narrative Discourse of Luke's Gospel: Some Remarks on the Function of the Greek Imperfect and Pluperfect Indicative Tense-Forms. *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus (SPiL Plus)*, 2020. 59. P. 61–79.
12. Goethals P. Between Semiotic Linguistics and Narratology: Objective Grounding and Similarity in Essayistic Translation. *Linguistica Antverpiensia*, 2008. No. 7. P. 93–110.
13. Li J., Xu Sh. Foregrounding as a Criterion for Translation Criticism. *Babel*, 2003. 49 (4). P. 302–309. DOI: 10.1075/babel.49.4.03li.
14. Wårvik B. What is Foregrounded in Narratives? Hypotheses for the Cognitive Basis of Foregrounding. *Approaches to Cognition through Text and Discourse*. Virtanen T. (ed.) Berlin, 2004. P. 99–122.
15. Zhou L., Li Q. The Application of Foregrounding in Literary Translation. *Lecture Notes on Language and Literature*, 2023. Vol. 6. P. 25–29. <http://dx.doi.org/10.23977/langl.2023.060504>.

Поступила в редакцию 11.11.2023

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 23.07.2024

Received 11.11.2023

Accepted 11.06.2024

Revised 23.07.2024

ОБ АВТОРЕ

Уржа Анастасия Викторовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; English2@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia Urzha — Dr.Habil., Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; English2@yandex.ru